

РОССИЙСКИЕ ИСТОРИКИ:
ПОРТРЕТ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИИ

Михаил Соколов

Центр институционального анализа науки и образования
Европейский университет в Санкт-Петербурге

Препринт ЦИАНО 2023
ciase.ru

Соколов Михаил — профессор факультета социологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге. Почта для связи: msokolov@eu.spb.ru.

В работе над исследованием, помимо непосредственного автора этого отчета, принимали участие Виктор Глухов (eLibrary), Дарья Геращенко, Катерина Губа, Мария Сафонова и Елена Чечик (все — ЕУСПБ). Участники проекта благодарны Михаилу Крому и Юлии Сафроновой за множество содержательных комментариев по проекту анкеты и в целом за возможность глубже понять историческую профессию. Кроме того, мы благодарны за поддержку и комментарии Александру Дмитриеву, Борису Колоницкому, Ирине Савельевой и Адриану Селину, а также компании Synopsis (и специально Юлии Степанцовой), взявшей на себя организацию онлайн-опроса, Сергею Дурневу за помощь в скачивании данных и Александру Гельвиху за помощь в их обработке. Никто из перечисленных не несет ответственности за недостатки этого отчета. Исследование поддержано грантом РФФИ (грант № 21-18-00519).

Центр институционального анализа науки и образования открыт Европейским университетом в Санкт-Петербурге в 2017 году. Центр специализируется на изучении институциональных форм, в которых протекает академическая жизнь — организаций (университетов, исследовательских институтов), арен научной коммуникации (журналов, конференций), форм дисциплинарной самоорганизации (профессиональных ассоциаций). Центр исследует, под воздействием каких факторов эти формы возникают (государственная политика управления наукой и образованием, рыночные запросы, культурные, технологические и демографические сдвиги) и как они влияют на природу производимого знания.

Контакты:

**191187, Санкт-Петербург,
Гагаринская ул., д. 6/1, литера А,
Научно-исследовательский центр
«Центр институционального анализа науки и образования»
www.ciase.ru**

РОССИЙСКИЕ ИСТОРИКИ: ПОРТРЕТ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИИ

Данный отчет представляет собой результат совместного исследования Центра институционального анализа науки и образования Европейского университета в Санкт-Петербурге и Научной электронной библиотеки eLibrary. Целью исследования была оценка адекватности наукометрических показателей в исторической науке на основании сравнения построенных на цитированиях метрик с данными репутационного опроса, в котором самих историков просили указать, кто внес наибольший вклад в их область знания. Задача подобной оценки не ограничивается, однако, простым сопоставлением списков высокоцитируемых учёных со списками чаще всего номинируемых в ходе опроса. Она требует произвести более широкое описание дисциплинарных сообществ, охватывающее их демографические характеристики, тематические специализации, системы авторитетов и эпистемические ориентации. Первые результаты такого исследования приводятся ниже.

Зачем наукометрии изучение дисциплинарных сообществ? Основные претензии к наукометрическим оценкам можно разбить на несколько категорий. Во-первых, в бюрократическом контексте показатели публикационной активности и цитирования обычно фигурируют как свидетельства качества научной работы, однако они являются самое большее мерами широты влияния. Качественно выполненная работа может цитироваться мало, потому что, скажем, она относится к узкой специальности, по которой вообще немного публикаций. Во-вторых, даже как оценка влияния показатели цитирования несовершенны, поскольку разные жанры публикаций в разной мере цитабельны: обзорные работы обычно цитируются много, но эти цитирования нельзя записать на счет влияния идей их авторов (как показывают новости, широко обсуждавшиеся, пока готовился этот отчет, с созданием обзоров уже успешно справляются компьютерные алгоритмы). В-третьих, любой наукометрический показатель основан на каком-то корпусе текстов, включающем или не включающем работы на том или ином языке или публикации того или иного типа. **Индексы цитирования традиционно упрекают в том, что они отдают предпочтение англоязычным источникам и журнальным статьям** (хотя Scopus в последние годы сделал много, чтобы преодолеть это ограничение). В-четвертых, в продолжение предыдущего замечания ученые делятся на группы с разными практиками публикаций и цитирования, причем границы этих групп иногда не совпадают с границами признанных дисциплин: в физике есть экспериментальные субспециальности, в которых один ученый может за год поучаствовать в сотнях публикаций с сотнями соавторов в каждой, и теоретические, в которых обычно пишется куда меньше статей с небольшим числом авторов. Сравнить, скажем, Хирш-индекс для представителей таких областей заведомо неинформативно. Наконец, в-пятых если наукометрические показатели используются как административный инструмент, возникает риск того, что они станут предметом манипуляций.

Все эти ограничения, разумеется, были хорошо известны еще основателям наукометрии¹; оценке того, насколько они серьезны, были посвящены сотни исследований². Общий вывод, который может быть из них сделан, выглядит так: невозможно сказать, что наукометрия в целом валидна или не валидна. *Некоторые* показатели в *некоторых* контекстах могут быть с успехом использованы при решении *некоторых* задач, однако какие это показатели и какие задачи — необходимо постоянно определять с помощью текущих исследований. Перефразируя

---

¹ Garfield E. Is citation analysis a legitimate evaluation tool? // *Scientometrics*. 1979. Vol. 1. No. 4. P. 359–375.

² См. обзоры в Bornmann L, Daniel H-D. What do citation counts measure: A review of studies on citing behavior // *Journal of Documentation*. 2008. Vol. 64. No. 1. Pp. 45–80; Tahamtan I, Bornmann L. Core elements in the process of citing publications: Conceptual overview of the literature. // *Journal of Informetrics*. 2008. Vol. 12. No. 1. P. 203–216; Tahamtan I, Bornmann L. 2019. What do citation counts measure? An updated review of studies on citations in scientific documents published between 2006 and 2018. // *Scientometrics*. 2019. Vol. 121. No. 3. P. 1635–1684; Aksnes DW, Langfeldt L, Wouters P. 2019. Citations, citation indicators, and research quality: An overview of basic concepts and theories // *Sage Open*. 2019. Vol. 9. No. 1: 2158244019829575.

Марка Блока, ценность (или отсутствие таковой) наукометрии нельзя постулировать — ее надо искать. Одним из направлений таких поисков является изучение структуры дисциплинарных сообществ. Если практики публикации и цитирования коррелируют с разными тематическими, демографическими и эпистемическими делениями, то использование основанных на них метрик могут дискриминировать ту или иную группу: беря хрестоматийный пример, если клиометристы и исторические демографы в основном публикуют статьи, а традиционные политические историки — книги, то включение или исключение книг из цитатной базы сильно сместит оценки в пользу той или иной группы. Наше исследование построено на сочетании двух источников: опроса и данных из публикационных профилей РИНЦ. В данном отчете, однако, приводятся лишь его первые результаты, касающиеся структуры российской исторической дисциплины, описанной с помощью опросных данных.

Процедуры исследования

Основным методом получения данных, представленных в этом отчете, был онлайн-опрос сплошной выборки публикующихся российских ученых-историков. Письма со ссылками на страницу с анкетой от имени компании eLibrary были разосланы зарегистрированным на сайте Российского индекса научного цитирования пользователям³, которые соответствовали трем критериям: (1) при регистрации они указали Россию в качестве страны проживания; (2) тематикой большинства их публикаций были исторические науки⁴; (3) они опубликовали не менее 3 статей в течение последних 5 лет и, таким образом, могли считаться активно публикующимися исследователями. **Всего письма были разосланы по адресам 14190 ученых.** Примерно через неделю после отправки первого письма отправлялось второе с напоминанием (второе письмо отправлялось по двум адресам, основному и запасному). Обе волны опроса прошли в ноябре 2022 года. В общей **мы собрали 4512 уникальных анкет**, которые были заполнены дальше первого вопроса; количество отвечавших на отдельные вопросы, однако, колебалось в значительных пределах, отражая, видимо, интерес к соответствующей теме, сензитивность вопроса и удачность его формулировки (дизайн анкеты позволял пропустить любой вопрос, кроме первого). Анкета содержала репутационные вопросы, которые задавались в двух редакциях: половину респондентов просили указать «ныне здравствующих коллег, которые за последние 5 лет опубликовали самые важные для развития исторической науки работы, не обязательно в Вашей области интересов», вторую половину — тех, кто за последние 10 лет опубликовал самые важные работы в области собственных интересов респондентов. Кроме того, задавались вопросы о специализации, книгах, которые служили для респондентов «образцом исторического анализа», «российских историках, чьи научно-популярные выступления Вы порекомендовали бы желающему расширить свои познания в истории неспециалисту», а также батарея вопросов об отношении к направлениям исторического познания и различным проблемам эпистемологии. Результаты первичного анализа этих данных приводятся ниже.

Области специализации

«Исторические науки» в России являются зонтичной категорией, покрывающей как минимум три независимые дисциплины: собственно историков, этнографов (некоторые из которых предпочитают определять себя как этнологов, культурных антропологов или культурологов) и археологов.⁵ Чтобы

---

³ Мы могли разослать письма с приглашением к участию в опросе только зарегистрированным пользователям; однако, благодаря озабоченности университетов тем, как они выглядят в зеркале наукометрии, в настоящее время к таковым относилось порядка 90% российских исследователей, соответствующих остальным трем критериям.

⁴ Исходно тематика публикации определяется eLibrary на основании дисциплинарной привязки журнала, однако для отдельных статей она в дальнейшем может быть пересмотрена на основании профилей цитирующих журналов.

⁵ Кроме того, часть респондентов ответили, что ошибочно отнесены к историкам, так как являются филологами-антиковедом. Соседство нескольких дисциплин под общей рубрикой истории является источником одной из основных сложностей в применении наукометрии к историкам: части археологов свойственен естественнонаучный стиль производства публикаций и цитирований (большое число соавторов, быстро пишущих много статей), благодаря которому в любых наукометрических рейтингах по историческим наукам именно они занимают первые строки.

сортировать респондентов по этим трем категориям, первым задавался вопрос о той дисциплине, на которой они специализируются (Таблица 1).

	Частота	%
История России	3196	70,8
Всеобщая история	1486	32,9
Этнография, культурная антропология	674	14,9
Археология	915	20,3
Теория, методология и история исторической науки	960	21,3

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Прежде всего, выберите из списка ниже все области знания, на которых Вы специализируетесь (можно указать несколько ответов)» (N=4512)

В ответе на первый вопрос можно было указать любое число категорий, из-за чего сумма превышает 100%.

Этот и последующие списки научных специализаций требуют отдельного комментария. Составление закрытого списка специализаций всегда представляет собой проблему, и наш случай не был исключением. Создавая его, мы ориентировались на два источника: классификатор ВАК (который, при всех издержках, имеет хотя бы то достоинство, что большинство российских историков с ним хорошо знакомы и многократно соотносили себя с его категориями) и классификатор Российского научного фонда.⁶ Мы включили в качестве базового деления те четыре категории, которые присутствуют в обоих: отечественную и всеобщую историю, этнографию и археологию. Мы также добавили категорию «Теория, методология и история исторической науки» из классификатора РНФ, предполагая, что она в основном соответствует категории «Историография, источниковедение, методы исторической науки» из классификатора ВАК. Мы не стали выделять на этом уровне классификации «Историю науки и техники», «Историю международных отношений» и «Вспомогательные исторические дисциплины», которые также присутствуют в классификаторе ВАК, перенеся их на следующий уровень субдисциплинарных делений внутри исторической дисциплины (некоторые наши респонденты выразили в письмах свое несогласие с этим решением).

В Таблице 2 приводятся пересечения между выделенными таким образом специальностями: в столбцах даны доли также занимающихся данной областью среди тех, кто занимается областью, указанной в строке; так, из 3169 человек, специализирующихся на истории России, 739 (23,1%) указали, что они также занимаются всеобщей историей.

	История России	Всеобщая история	Археология	Этнография	Теория и история
История России	3196	739	210	552	749

Читатели могут легко убедиться в этом сами, упорядочив список авторов, представляющих исторические науки, по числу цитирований в Российском индексе научного цитирования.

⁶ Мы благодарны Юлии Сафроновой за предложение использовать эти источники.

Всеобщая история	100,0%	23,1%	6,6%	17,3%	23,4%
	739	1486	177	276	359
Археология	49,7%	100,0%	11,9%	18,6%	24,2%
	210	177	674	164	93
Этнография	31,2%	26,3%	100,0%	24,3%	13,8%
	552	276	164	915	220
Теория и методология	60,3%	30,2%	17,9%	100,0%	24,0%
	749	359	93	220	960
	78,0%	37,4%	9,7%	22,9%	100,0%

Таблица 2. Пересечения между основными дисциплинарными специализациями (N=4512)

Далее вид анкеты различался в зависимости от того, какой из вариантов ответа был выбран при ответе на первый вопрос о дисциплинарной принадлежности. Наше исследование было ориентировано преимущественно на историков. Тем, кто указал, что они занимаются только археологией и/или этнографией, задавались лишь вопросы о тех, кто внес наибольший вклад в их область специализации, и базовые демографические вопросы. Соответствующие распределения голосов содержатся в Приложении 1. Остальные вопросы задавались лишь тем, кто указал хотя бы одну из исторических специальностей (4009 человек). Прежде всего, тех, кто указал, что специализируется на российской истории, просили определить эпоху, которой они занимаются, используя традиционное школьное деление (Таблица 3).

	Частота	%
Древняя Русь, эпоха феодализма, Московское царство	679	21,4
Российская империя	1924	60,6
Советская история	1777	55,9
Новейшая российская история	675	21,2

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, на каких периодах российской истории Вы специализируетесь? (Любое число ответов)» (N=3177)

Видно, что интерес к эпохам распределен достаточно неравномерно: российская империя и СССР наиболее популярны, допетровская Русь и современность — значительно менее. Аналогичное распределение для тех, кто указал, что занимается всеобщей историей, выглядит иначе: новая история существенно уступает новейшей, и в целом чем более отдаленной является эпоха, тем меньше специализирующихся на ней (Таблица 4).

	Частота	%
История дописьменных обществ	114	7,7
История Древнего мира (история Древнего Востока, история античности, история Америки и Африки в древности)	340	23,0
История Средних веков и Раннего Нового времени (включая историю Средневекового Востока)	500	33,8
Новая история (XVII–XIX вв.)	658	44,5
Новейшая история (XX–XXI вв.)	792	53,5

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Укажите, пожалуйста, периоды всеобщей истории, на которых Вы специализируетесь, используя традиционное — пусть и несколько спорное — деление» (N=1479)

В дополнение к вопросу об эпохе мы задали всеобщим историкам вопрос о регионе, на истории которого они специализируются. Полученные ответы приведены в Таблице 5.

	Частота	%
Европы	729	69,56

Глобальная, транснациональная история	273	26,05
США и Канады	188	17,94
Дальнего Востока	156	14,89
Северной Африки и Ближнего Востока	129	12,31
Центральной Азии	124	11,83
Юго-Восточной Азии	60	5,73
Южной Азии	48	4,58
Латинской Америки	47	4,48
Африки южнее Сахары	31	2,96
Австралии и Океании	12	1,15

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, на истории стран какого региона Вы специализируетесь?» (N=1048)

Подавляющее большинство всеобщих историков специализируется на истории Европы. Можно задаться вопросом о том, соответствует ли это положение вещей определению России как «великой историографической державы», которое академический фольклор приписывает П. Ю. Уварову. С одной стороны, российские историки чаще всего изучают историю собственной страны, а за ее пределами в фокусе их интересов находится традиционный «Запад» плюс регионы, связанные с Россией сильными политическими и экономическими связями. С другой стороны, сколько-то работающих в России историков все-таки занимается практически любыми странами и регионами — положение вещей, которым далеко не каждая страна может похвастаться.

Существует статистическая связь между регионом и широтой периода специализации: чем менее популярным — среди российских историков — является данный регион, тем шире в среднем хронологические рамки экспертизы тех, кто им занимается. Так, из наших 5 эпох специалисты по Европе указывали в среднем 1,7, а специалисты по Австралии и Океании — 2,7 периодов.

В конце этого блока мы спросили историков о предметных областях, на которых они специализируются. В Таблице 6 ниже приводится список полученных ответов в порядке убывания количеств. Первые две строчки занимают социальная и локальная / региональная истории, которые набрали равное число «голосов», за ними — политическая и культурная история, составляющие «большую четверку». Следующие два столбца отражают предпочтения тех, кто выбрал российскую и всеобщую историю в качестве специализации (напомним, что эти категории не были взаимоисключающими). Мы можем заключить, что существует значительная разница в тематике, при которой всеобщие историки чаще специализируются на политической, дипломатической, военной и культурной истории, а русисты — на истории локальной, социальной и экономической.

	Вся выборка	Среди респондентов	
		Выбравшие историю	Выбравшие

		России	всеобщую историю
Локальная и региональная история	46,8	51,4	34,7
Социальная история	46,8	48,9	40,5
Политическая история	44,3	41,4	58,0
Культурная история	43,8	41,7	48,8
Проблемы исторической памяти	26,7	26,6	28,4
Военная история	25,5	26,0	31,8
Экономическая история	23,0	24,5	20,7
Дипломатическая история, история международных отношений	21,8	17,5	42,6
История науки и техники	13,1	14,2	13,2
История повседневности ⁷	10,7 (28,9)	11,3	9,3
История религии, церковная история	7,5 (19,9)	6,9	9,2
Вспомогательные исторические дисциплины	4,9 (13,2)	5,1	5,2
История права	3,2 (8,4)	3,3	3,7
Историческая демография	3,0 (7,9)	3,3	2,3

Таблица 6. Распределение в % ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, в каких предметных областях сосредоточены Ваши исследовательские интересы?» (N=3921)

Рисунок 1 представляет результаты иерархического кластерного анализа, который позволяет увидеть, какие темы чаще всего интересуют одних и тех же людей. Анализ поочередно объединяет группы интересов, которые пересекаются сильнее всего; на графике объединению соответствует превращение отдельных столбиков в общий затемненный массив.⁸ Так, ближе всего находятся политическая и дипломатическая история, вторая по близости пара — социальная история и история повседневности, третья — культурная история и история памяти и т. д.

Мы видим, что темы объединяются в несколько блоков: (1) тяготеющие друг к другу политическая, дипломатическая и военная истории, (2а) история повседневности, которая пересекается с социальной историей, (2б) связанные с ними культурная история и проблемы исторической памяти, (2в) количественные экономическая и демографическая истории, к которым тяготеет также (2г) локальная и региональная история, плюс стоящие особняком (3) история права, (4) церковная история, (5) вспомогательные исторические дисциплины и (6) история науки и техники.

⁷ Если подходящая специализация отсутствовала в списке ответов, её предлагалось вписать в поле *Другое*. Перед рассылкой повторной просьбы пройти опрос в анкету были внесены небольшие изменения, представлявшие собой реакцию на полученную обратную связь. В частности, отражая названия специализаций, внесенных в графу «Другое», мы добавили «Историю повседневности», «Церковную историю», «Вспомогательные исторические дисциплины», «Историю права» и «Историческую демографию». Цифра в скобках отражает процентную долю их выбора на второй волне опроса, следовавшей за напоминанием, на которой было опрошено 1494 историка (37,3% от всех опрошенных). Как мы видим, однако, за исключением истории повседневности, добавленные категории относились к наименее популярным.

⁸ Использовался алгоритм иерархического анализа, построенного на матрицах близости, полученных с помощью четырехпольных Фиата-корреляций.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	
История права	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X				
Вспом. дисциплины	X	X	X	X	X	X	X			X	X				
История религии	X	X	X	X	X	X	X					X	X		
История науки	X	X	X	X	X			X	X	X	X	X			
Истор. демография	X	X	X	X	X	X						X	X		
Экономич. история	X	X	X	X	X	X			X			X	X		
Локальная история	X	X	X	X	X	X	X	X	X						X
Истор. память	X	X	X	X				X	X						X
Культурная история	X	X	X	X		X			X						X
Повседневность	X	X	X		X		X	X	X						X
Социальная история	X	X	X												X
Военная история	X	X	X	X	X										X
Диплом. история	X	X		X		X	X	X	X	X	X	X	X	X	X
Политич. история	X	X													

Рисунок 1. Иерархический кластерный анализ ответов на вопросы об областях специализации (N=1458)

На следующем этапе мы попробовали найти интеракции между темами и изучаемыми периодами. В следующих таблицах приводятся данные для русистов (Таблица 7) и всеобщих историков (Таблица 8). По строкам даны доли занимающихся данной предметной областью среди тех, кто занимается эпохой, указанной в столбце. Так, среди специалистов по допетровской Руси, 46% интересуются политической историей и т.д. Среди русистов мы находим лишь незначительные вариации: политическая история и проблемы исторической памяти чаще всего интересны тем, кто занимается новейшей историей. Напротив, культурная и церковная история, а также вспомогательные исторические дисциплины вызывают больше интереса среди тех, кто занимается Древней Русью.

	Допетровская Русь	Российская империя	Советский период	Новейшая история
Политическая история	46,0%	41,2%	43,4%	52,5%
Дипломатическая история, история международных отношений	22,5%	18,8%	17,1%	23,2%
Военная история	29,1%	25,3%	30,8%	31,1%
Социальная история	48,4%	50,0%	50,2%	48,7%
Экономическая история	24,9%	24,4%	24,9%	25,0%
Культурная история	56,8%	44,2%	38,9%	44,2%
История науки и техники	15,4%	15,6%	17,3%	17,1%
Локальная и региональная история	49,0%	53,5%	52,0%	52,1%
Проблемы исторической памяти	28,4%	26,0%	31,9%	40,8%
История религии, церковная история	12,9%	7,5%	5,3%	6,7%
История повседневности	11,8%	11,8%	12,4%	11,6%
Историческая демография	5,0%	3,4%	3,6%	4,6%
История права	4,4%	3,6%	3,0%	3,3%
Вспомогательные исторические дисциплины	12,1%	5,0%	4,0%	4,6%

Таблица 7. Связь специализации на периодах и предметных областях среди историков-русистов (N=3419)

Контрасты среди специалистов по всеобщей истории более выражены. Здесь мы видим, что интерес к политической и дипломатической истории преобладает среди занимающихся новейшей историей, в то время как интерес к социальной, экономической, культурной и демографической истории среди них, наоборот, ниже. Объединяя эти выводы с тем, о чем говорилось выше, мы можем заключить, что если немногочисленные специалисты по «глобальному Югу» часто являются страноведами широкого профиля, то специалисты по новейшей истории «глобального Севера» плавно перетекают в политологов-международников.

	Дописьменные общества	Древний мир	Средневековье	Новое время	Новейшее время
Политическая история	43,4	50,6	55,4	58,5	64,6
Дипломатическая история, история межд. отношений	22,1	27,2	35,8	48,9	53,0
Военная история	40,7	37,0	32,5	32,2	34,6
Социальная история	49,6	42,0	46,1	45,3	39,0
Экономическая история	29,2	24,9	23,2	22,3	21,7
Культурная история	74,3	63,6	63,4	52,7	37,5
История науки и техники	29,2	19,5	15,8	17,1	12,7
Локальная и региональная история	52,2	39,6	39,2	39,8	35,5
Проблемы истор. памяти	27,4	24,9	28,9	32,8	32,0
История религии, церковная история	10,6	13,3	13,9	9,3	6,6
История повседневности	8,0	8,9	11,1	11,0	8,9
Историческая демография	9,7	4,1	3,4	2,9	2,5
История права	6,2	6,2	5,7	3,7	2,9
Вспомогательные исторические дисциплины	13,3	9,8	9,1	6,1	3,4

Таблица 8. Доли интересующихся данной областью среди специалистов по периодам всеобщей истории (% по столбцам, доли не дают в сумме 100% т.к. можно было указать любое кол-во ответов)

Демографическая структура

Мужчины составляют большинство среди российских историков: 58,7% определили свой пол как мужской, 40,4% — как женский (0,9% предпочли не сообщать его). Самой частотной возрастной категорией является интервал 40–49 лет. На Рисунке 2 показана половозрастная структура представителей исторической профессии. Основной вывод состоит в том, что значительная феминизация, коснувшаяся социальных наук в последние десятилетия, практически не затронула историков — скорее, среди опрошенных заметен недостаток женщин в младшей возрастной категории⁹.

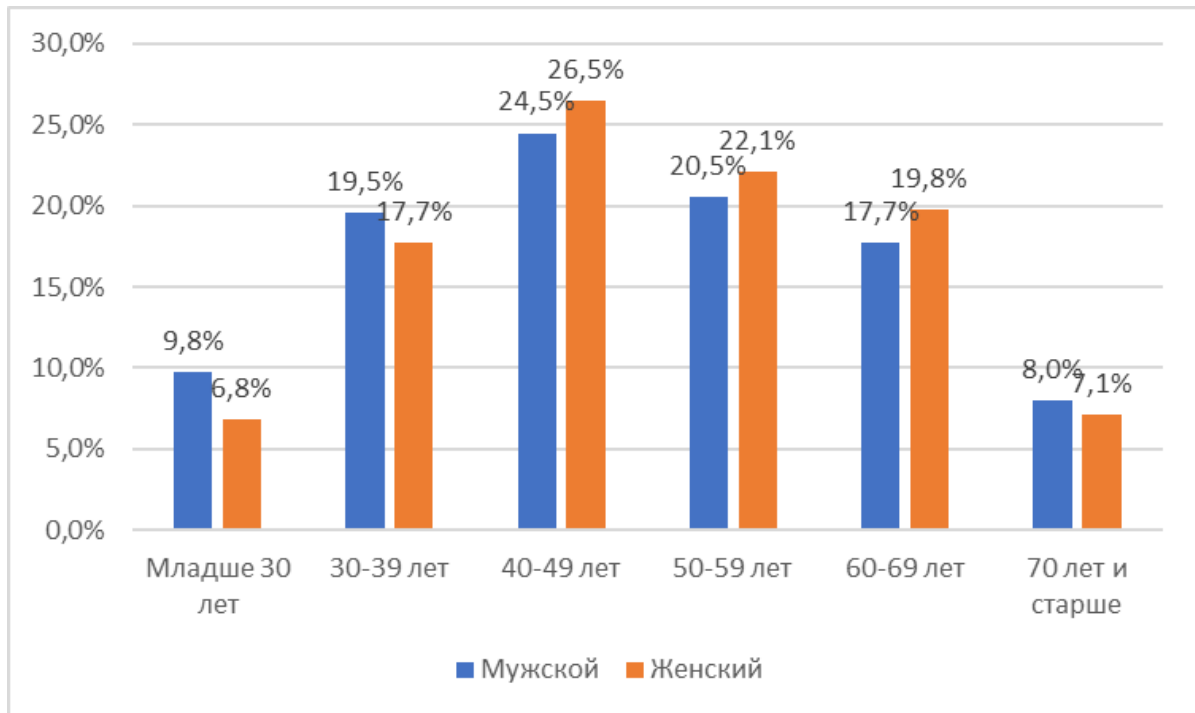

Рисунок 2. Половозрастная структура представителей исторической профессии (N=3139)

Демографические характеристики связаны с областями специализации: среди занимающихся всеобщей историей мужчин чуть больше, чем среди историков в целом (62,9%). В разрезе возраста, всеобщих историков чуть больше среди самой младшей возрастной группы (45,3% среди респондентов-историков младше 30 лет сообщили, что занимаются всеобщей историей, при 32,9% в целом по выборке) и самой старшей (43,8% среди историков в возрасте 70 лет и старше). Мужчины чаще женщин занимаются более ранними эпохами (25,4% мужчин против 17,1% женщин сообщили, что занимаются допетровской Русью). Советской и постсоветской историей чаще других занимается самая старшая когорта историков (32,2% историков старше 70 лет сообщили, что они занимаются новейшей историей России, при 21,8% в среднем по выборке). Самая младшая когорта реже других занимается допетровской эпохой (13,7% среди русистов младше 30 лет против 22,1% в среднем). В тематическом отношении мы не видим сильных поколенческих сдвигов, наблюдается лишь меньший интерес к культурной истории у самой младшей когорты и к истории повседневной — у самой старшей. Гендерные различия более выражены: в самых «мужских» специализациях число мужчин многократно превосходит число женщин: так, в военной истории оно составляет 3,23:1, в истории права — 2,42:1, в политической истории — 2,12:1, но в более «женской» культурной истории соотношение становится 1,09:1, а в истории повседневности число женщин превосходит число мужчин в соотношении 1,33:1.

⁹ По сравнению с историей археология является еще более мужским занятием (67,4% мужчин), а этнография — более женским (48,3% мужчин).

Профессиональная жизнь

Мы спросили наших респондентов о главном признаке академического ранга — ученых степенях, которыми они обладают: 26,8% опрошенных указали, что у них есть степень доктора наук, у 56,2% — степень кандидата наук в отсутствие докторской, у 26,6% нет степени, у 2,1% оказалась степень PhD, иногда в комбинации со степенью кандидата или доктора наук, иногда — в их отсутствие.

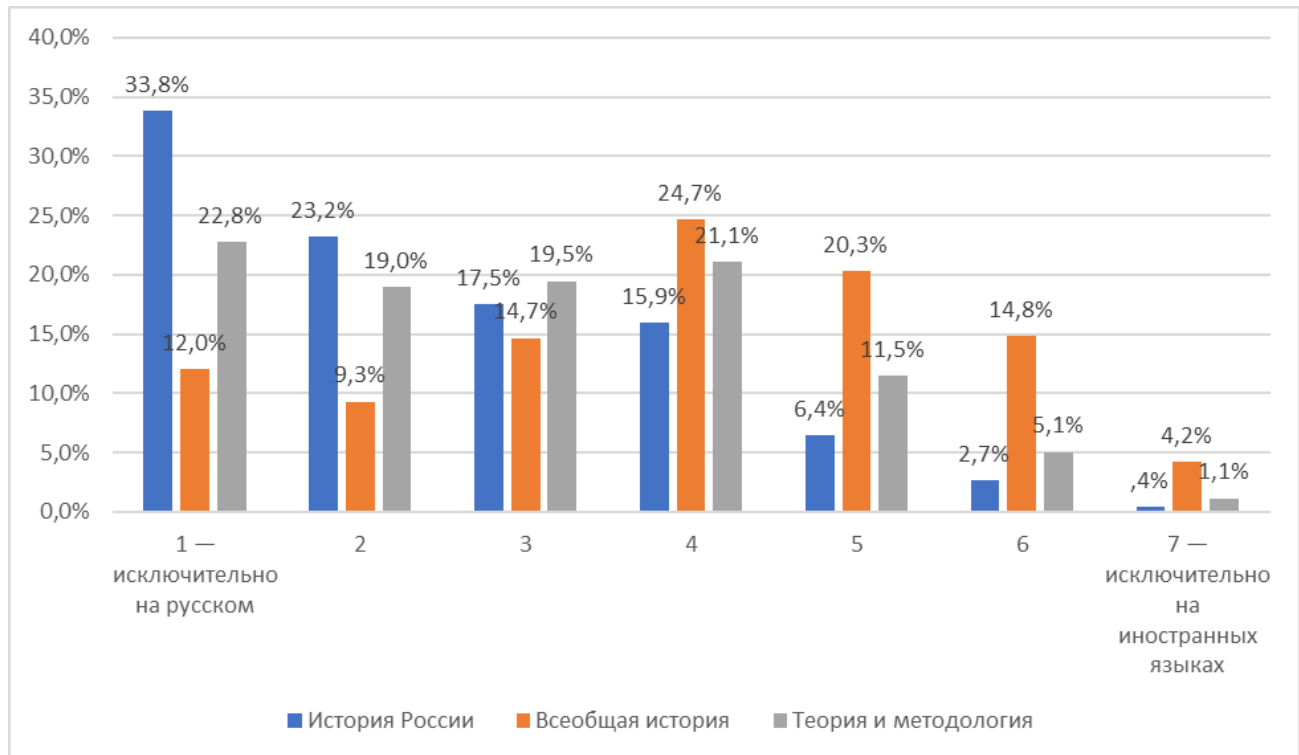
Доля обладателей степеней предсказуемо изменяется с возрастом: если в группе до 30 лет доля ученых без степени составляет 84,3%, то уже в следующей группе 30–39 лет их остается только 24,3%, а среди историков старше 60 лет ученых без степени насчитывается только 4,4%. Аналогична картина с докторскими степенями: будучи исключительно редкими среди ученых до 30 лет (в нашей выборке встретился только один доктор наук, не разменявший четвертый десяток) и нечастыми даже среди ученых в возрасте 30–39 лет (3,4%), они становятся все более распространенными далее, пока в категории ученых старше 70 лет мы не встречаем 63,9% докторов наук. Интересно, что, если кандидатские диссертации защищаются относительно рано, и те, кто не сделал этого до 40 лет, видимо, покидают академическую профессию, получение докторской степени не привязано к какому-то жизненному этапу: количество докторов наук равномерно прибывает в каждой следующей возрастной категории. Гендерная принадлежность сказывается на шансах защитить докторскую диссертацию (степень доктора наук имеется у 29,1% мужчин и 22,8% женщин в нашей выборке), однако на уровне защиты кандидатских диссертаций значимых различий не прослеживается (фактически мужчин без степени оказалось в нашей выборке даже чуть больше — 19,1% среди мужчин против 15,7% среди женщин — за счет меньшего числа женщин в младшей когорте). «Стеклоплатформа» может существовать на верхних ступенях академической лестницы, но не на нижних, однако и на верхних он выражен не слишком сильно.

Академические ранги слабо связаны с областями специализации или интересами. Доктора наук несколько чаще декларируют интерес к проблемам теории и методологии исторической науки (31,1% при 26,6% в среднем по выборке), проблемам социальной и экономической истории и — несколько меньший — к истории локальной, однако различия со средними значениями везде остаются в пределах 5%. Нет свидетельств того, что в истории есть высокостатусные или низкостатусные специализации, в которых выше или ниже концентрация академических «тяжеловесов».

Большинство публикующихся историков — университетские преподаватели. 63,8% ответили, что преподают в этом учебном году. Максимальное число не преподающих встречается среди историков младше 30 лет (63,7%; причем большинство из тех, кто все же преподает (53,6%), преподает менее 300 часов в данном академическом году) или старше 70 лет (47,3%). Среди 40–59-летних преподает 71,5%, причем нагрузка около половины преподающих составляет свыше 700 часов. В дополнение к этому мы попробовали оценить степень интернационализации российской исторической науки, задав вопрос о том, в каких пропорциях нашим респондентам приходится читать специальную литературу на русском и иностранных языках. И здесь между основными историческими специальностями обнаружился значительный контраст (Рисунок 3). 33,8% русистов не читают профессиональную литературу на иностранных языках вообще, а те, кто все же читают на них, в основном делают это в небольших объемах (тем не менее, нам встретилось незначительное число (10 человек) тех, кто занимался российской историей, вообще не читая, по их словам, русскоязычных коллег). Среди всеобщих историков число не читающих ни на одном языке, кроме русского, было более скромным — 12%, а большинство тяготеет к тому, чтобы читать примерно поровну на русском и иностранных языках.¹⁰ Демографические и ранговые категории, напротив, не продемонстрировали существенной связи с владением

¹⁰ Мы задали вопрос о языках, на которых читают те, кто хотя бы иногда читает иностранную литературу. Предсказуемо лидирует английский (83%) с немецким (22,2%) и французским (17,5%), занимающими второе и третье места. Лишь небольшое число историков (3,5%) читает профессиональную литературу на испанском — число, примерно совпадающее с числом занятых историей Латинской Америки.

иностранными языками: лишь возраст оказался связан с объемами чтения на разных языках статистически значимо, но незначительно (корреляция Кендалла 0,059).

Рисунок 3. «Скажите, пожалуйста, Вам сейчас приходится читать больше профессиональной литературы (не считая первоисточников) на русском языке или на иностранных языках?» (N=3138)

Профессиональные авторитеты

Здесь мы подходим к теме, которая была основной для нашего проекта, — распределению профессионального признания среди ученых. Респонденты были поделены случайным образом на две выборки А и В, и всех, кто попал в первую из них (А), спрашивали:

По Вашему мнению, кто из ныне здравствующих российских историков за последние 5 лет опубликовал самые интересные и важные для развития исторической науки работы, не обязательно в Ваших собственных областях специализации? Назовите, пожалуйста, от 1 до 10 имен¹¹ в формате ФИО (например, Максимов Максим Максимович).

Для попавших в выборку В основной вопрос звучал так:

По Вашему мнению, кто из ныне здравствующих российских историков за последние 10–15 лет внес наибольший вклад в развитие названных Вами исследовательских областей?

Вопрос задавался вслед за вопросом о предметных областях, в которых были сосредоточены собственные интересы индивида, и, по нашему предположению, прямо приглашал назвать экспертов в своей, более узкой, области.

¹¹ На первой волне исследования респондентов просили назвать 5 имен. Формулировка была изменена на второй волне исследования в связи с тем, что многие опрошенные во время первой волны выразили готовность назвать больше. В этом, как и во многих других отношениях, историки показали себя респондентами, о которых социолог может только мечтать.

Необходимо пояснить, почему вопросы задавались именно в таком виде. Некоторые из респондентов прямо указывали в формах обратной связи, что историкам свойственно специализироваться на отдельном регионе и отдельном периоде и плохо знать работы тех, кто пишет не о них. Продолжая эту мысль, если пространство внимания историков устроено таким образом, любой простой репутационный или наукометрический рейтинг, помимо влияния входящих в него фигур, неизбежно должен отражать относительную популярность их областей специализации. Если **больше всего историков в России занимается русским XIX веком**, то и самые цитируемые на русском языке историки также должны заниматься отечественным XIX веком; никаким образом в этот список не может проникнуть, например, египтолог. Действительно, проведенные на предыдущих этапах данного исследования репутационные опросы показывали, что во фрагментированных дисциплинах (экономика, юриспруденция) специалисты в полуавтономных субдисциплинах часто «голосовали» за представителей тех же субдисциплин: или в силу академического кампанелизма — эмоциональной привязанности к своей академической «деревушке», или потому, что просто не представляли себе, что происходит за ее пределами.

Чтобы оценить силу данного эффекта у историков, мы использовали две формулировки, одна из которых прямо просила называть тех, кто известен в той же субдисциплинарной области, которой занимаются респонденты, а другая — прямо призывала выйти за ее пределы. Мы могли также сравнить ответы русистов и всеобщих историков.¹² Предварительные гипотезы состояли в том, что (а) каждая группа будет чаще называть специалистов в своей области (поскольку «всеобщая история» охватывает все регионы, кроме России, мы можем ожидать лишь, что в ее списках русисты будут занимать более скромное место), (б) выраженность тенденции будет варьироваться в зависимости от формулировки вопроса, и, как следствие, пересечения между списками будут выше при формулировке, требующей отметить вклад, внесенный в историческую науку в целом, (в) при переходе от вопроса о «науке в целом» к вопросу о своей области будут улучшаться позиции ученых, представляющих более популярные темы, скажем, социальную историю, (г) степень концентрации — доля «голосов», приходящихся на чаще всего называемые имена, — будет выше в случае с русистами — опять же потому, что в ведении этой специальности находится все-таки всего одна страна, (д) в оценке специалистов в другой области ученые вынуждены полагаться на неакадемические каналы коммуникации; таким образом, в списке авторитетов в исторической науке в целом будут преобладать те, кто сочетает сугубо академическую репутацию с репутацией медийных celebrities. Чтобы проверить эту последнюю гипотезу, в вариант анкеты В был добавлен еще один вопрос:

В дополнение к этому мы попросим Вас назвать от 1 до 10 российских историков, чьи научно-популярные выступления Вы порекомендовали бы желающему расширить свои познания в истории неспециалисту (не обязательно в Ваших собственных областях специализации).

Результаты приведены в столбцах Таблицы 9 ниже. Лишь первое предположение подтверждается полностью: несмотря на то, что среди респондентов было немало тех, кто указал, что интересуется и всеобщей, и российской историей (см. Таблицу 2 выше), **между списками тех, за кого проголосовали русисты и всеобщие историки, имеются лишь ограниченные пересечения**. В обоих списках русистов безусловно преобладают специалисты по российской истории; бросающимся в глаза исключением является Л. П. Репина, которая, однако, можно предполагать, более влиятельна благодаря своим теоретико-методологическим работам. Напротив, среди номинантов из числа всеобщих историков преобладают специалисты по истории других стран.

---

¹² Мы не стали выделять в отдельную группу специалистов по истории и методологии исторической науки, поскольку число респондентов, указавших только эту категорию, было невелико (66 человек). Для большинства этот интерес был дополнительным к какой-то предметной специализации.

ИСТОРИКИ РОССИИ		ВСЕОБЩИЕ ИСТОРИКИ		ОБЕ ВЫБОРКИ					
ВКЛАД В ИСТОРИЧ. НАУКУ	ВКЛАД В СОБСТВ. ОБЛАСТЬ	ВКЛАД В ИСТОРИЧ. НАУКУ	ВКЛАД В СОБСТВ. ОБЛАСТЬ	НАУЧНО-ПОПУЛЯРН.					
Миронов Б. Н.	115	Миронов Б. Н.	129	Репина Л. П.	34	Репина Л. П.	41	Данилевский И. Н.	137
Данилевский И. Н.	63	Репина Л. П.	57	Уваров П. Ю.	31	Уваров П. Ю.	35	Анисимов Е. В.	81
Хлевнюк О. В.	61	Миллер А. И.	52	Чудинов А. В.	26	Согрин В. В.	24	Исаев А. В.	64
Колоницкий Б. И.	47	Пушкарева Н. Л.	51	Суриков И. Е.	25	Миллер А. И.	23	Спицын Е. Ю.	61
Анисимов Е. В.	44	Хлевнюк О. В.	51	Согрин В. В.	21	Суриков И. Е.	21	Уваров П. Ю.	45
Бородкин Л. И.	42	Колоницкий Б. И.	50	Данилевский И. Н.	19	Крадин Н. Н.	18	Мединский В. Р.	44
Горский А. А.	41	Анисимов Е. В.	49	Карпов С. П.	18	Сергеев Е. Ю.	17	Хлевнюк О. В.	43
Пушкарева Н. Л.	41	Булдаков В. П.	42	Миллер А. И.	16	Миронов Б. Н.	16	Эйдельман Т. Н.	41
Репина Л. П.	35	Трепавлов В. В.	41	Колоницкий Б. И.	15	Чубарьян А. О.	15	Борисов Н. С.	38
Спицын Е. Ю.	35	Бородкин Л. И.	40	Курилла И. И.	15	Печатнов В. О.	14	Колоницкий Б. И.	37
Булдаков В. П.	32	Данилевский И. Н.	35	Бовыкин Д. Ю.	14	Кром М. М.	13	Шубин А. В.	37
Трепавлов В. В.	32	Горский А. А.	34	Лабутина Т. Л.	14	Флоря Б. Н.	13	Дробышевский С. В.	35
Ганин А. А.	30	Исаев А. В.	29	Махалюк А. В.	14	Чудинов А. В.	13	Басовская Н. И.	33
Исаев А. В.	29	Лебина Н. В.	26	Спицын Е. Ю.	14	Бойцов М. А.	12	Фурсов А. И.	33
Соловьев К. А.	29	Кром М. М.	25	Ватлин А. Ю.	12	Мещеряков А. Н.	12	Нарочницкая Н. А.	33
Нарочницкая Н. А.	26	Спицын Е. Ю.	25	Исаев А. В.	12	Трепавлов В. В.	12	Яковлев Е. Н.	30
Флоря Б. Н.	26	Каменский А. Б.	23	Крадин Н. Н.	12	Исаев А. В.	11	Жуков К. А.	30
Кондрашин В. В.	22	Тишков В. А.	23	Печатнов В. О.	12	Колоницкий Б. И.	11	Назаренко К. Б.	28
Миллер А. И.	22	Флоря Б. Н.	23	Тогоева О. И.	12	Махалюк А. В.	11	Миронов Б. Н.	26
Тишков В. А.	22	Нарский И. В.	21	Анисимов Е. В.	11	Дацышен В. Г.	10	Миллер А. И.	25
Побережников И. В.	21	Шелохаев В. В.	21	Бойцов М. А.	11	Иванчик А. И.	10	Будницкий О. В.	24
Шелохаев В. В.	21	Будницкий О. В.	18	Сергеев Е. Ю.	10	Карпов С. П.	10	Чубарьян А. О.	24
Тихонов В. В.	19	Жуков Ю. Н.	18	Флоря Б. Н.	10	Анисимов Е. В.	9	Филюшкин А. И.	23
Филюшкин А. И.	19	Кондрашин В. В.	18	Воскобойников О. С.	9	Громыко А. А.	9	Кром М. М.	22
Чубарьян А. О.	18	Петров Ю. А.	18	Миронов Б. Н.	9	Данилевский И. Н.	9	Успенский Ф. Б.	22
				Сморчков А. М.	9	Пленков О. Ю.	9		
						Спицын Е. Ю.	9		
						Тогоева О. И.	9		
						Хлевнюк О. В.	9		

Таблица 9. Репутационные рейтинги по двум формулировкам вопросов и двум основным субдисциплинам

Другие предположения, однако, не подтверждаются: списки внесших вклад в историческую науку в целом совпадают немногим более, чем списки внесших вклад в собственную область респондентов (в первых на 24 строках обнаруживается 8 совпадений, во вторых — 7). При этом списки внесших вклад в науку вообще и внесших вклад в свою область существенно различаются, однако понять принцип не всегда просто: так, в списках русистов А. И. Миллер поднимается с 19 места в списке внесших вклад в «историческую науку в целом» на 3 место в списке «своей области». Интересно, что списки авторитетных фигур всеобщих историков не отражают их собственной специализации: хотя среди них преобладают специалисты по современной истории, на первых строках в рейтинге их предпочтений оказываются эксперты по Средневековью и Раннему новому времени (Л. П. Репина, П. Ю. Уваров), античности (И. Е. Суриков), Византии (С. П. Карпов). Фактически только двое в top-10 являются «типичными» всеобщими историками — американисты В. В. Согрин и И. И. Курилла. Далее, нет тенденции к большей концентрации: на первую десятку имен в «общем» списке русистов приходится 4,7%, а на 1% — 7,5%; в «специализированном» списке русистов — 4,7% и 7,7%; в «широком» списке всеобщих историков — 4,2% и 5,3%; наконец, в «специализированном» списке всеобщих историков — 4,4% и 5,6% от всех номинаций. Нет свидетельств того, что профессиональный авторитет среди всеобщих историков значительно менее концентрирован, хотя этот вывод как будто противоречит здравому смыслу, предполагающему, что всеобщая история должна быть гораздо более фрагментированной областью — не одной деревней, а множеством хуторов. Наконец, нет оснований считать, что неспециализированные списки более подвержены влиянию медийной известности. В

отличие от некоторых других дисциплин, среди историков, похоже, есть четкая граница между медийной известностью и профессиональным влиянием, и некоторые из тех, чьи заслуги на ниве исторического просвещения широко признаны, тем не менее не фигурируют среди авторитетных фигур вовсе или фигурируют минимально (В. Р. Мединский, С. В. Дробышевский, К. А. Жуков).¹³

Наконец, стоит отметить, что списки отличаются не только тем, что каждая из групп хуже знает персонажей из «чужого» списка, но и очередностью, в которой эти персонажи все же проникают в ее список. Так, в списке внесших вклад в историческую науку всеобщих историков Б. Н. Миронов появляется на скромной 25 строчке, пропустив вперед 8 человек, которые стоят ниже его у русистов. В этом смысле группы могут отличаться не только меньшей осведомленностью о работе друг друга, но и критериями, по которым эта работа оценивается. Это наблюдение приводит нас к следующему пункту нашей исследовательской программы — исследованию эпистемических лагерей, которые объединяют историков по признаку общности представлений о том, как должна делаться историческая наука.

Эпистемические лагеря

Наравне с вопросами о ныне живущих авторитетных фигурах мы включили в анкету А вопрос с просьбой определиться со списком книг, служащих для опрошенных «образцом исторического анализа». В Таблице 10 слева перечислены индивиды, занимавшие 20 верхних строк в списке чаще всего номинированных авторов (22 человека, т.к. четверо получили равное число «голосов», разделив места с 19 по 22), а в правом — книги, занимавшие первые 20 строк (21 книга).¹⁴

Повлиявшие авторы		Повлиявшие книги	
Блок М.	88	Блок М. «Апология истории или ремесло историка»	69
Бродель Ф.	88	Бродель Ф. «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.»	52
Ле Гофф Ж.	49	Тойнби А. «Постижение истории»	41
Тойнби А.	43	Гинзбург К. «Сыр и черви: Картина мира одного мельника, жившего в XVI в.»	31
Ключевский В. О.	39	Ключевский В. О. «Курс русской истории»	30
Гинзбург К.	33	Миронов Б. Н. «Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.)»	24
Гуревич А. Я.	32	Милов Л. В. «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса»	18
Миронов Б. Н.	30	Хобсбаум Э. «Век революции»	16
Хобсбаум Э.	25	Февра Л. «Бои за историю»	16
Фитцпатрик Ш.	24	Ле Руа Ладюри Э. «Монтайю, окситанская деревня (1294–1324)»	16
Февр Л.	21	Шпенглер О. «Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории»	16
Милов Л. В.	21	Бродель Ф. «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II»	13
Ковальченко И. Д.	17	Гуревич А. Я. «Категории средневековой культуры»	13
Ле Руа Ладюри Э.	16	Ковальченко И. Д. «Методы исторического исследования»	13
Фуко М.	15	Нора П. «Проблематика мест памяти. Франция-память»	13
Нора П.	15	Блок М. «Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти»	12
Шпенглер О.	15	Соловьев С. М. «История России с древнейших времен»	12
Гумилев Л. Н.	14	Уортман Р. «Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии»	12
Лотман Ю. М.	14	Хейзинга Й. «Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции»	11
Рыбаков Б. А.	14	Карамзин Н. М. «История государства Российского»	11
Уортман Р.	14	Фитцпатрик Ш. «Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы»	10
Валлерстайн И.	14		

Таблица 10. Авторы и книги, служащие для российских историков образцом исторического анализа

¹³ Контрастным примером могут служить, например, экономисты и политологи, среди которых анализ обнаруживает деление на аудитории, голосующих за медийные и политические фигуры, и аудитории, категорически настаивающие на том, что вклад в науку имеет вид исключительно академических публикаций. Среди историков, кажется, консенсусной является вторая точка зрения.

¹⁴ Наши благодарности Александру Гельвиху, который проделал эту работу.

И в списке авторов, и в списке книг на первых строках шире всего представленной оказывается Школа «Анналов». Что вполне согласуется с этим, многие из российских историков, попавших в список (Б. Н. Миронов, Л. В. Милов, И. Д. Ковальченко), известны прежде всего количественными работами по социальной и экономической истории. В списке заметно присутствие также классиков российской исторической науки XIX века (В. О. Ключевский, Н. М. Карамзин), западных славистов (Ш. Фитцпатрик, Р. Уортман) и философов истории (А. Тойнби, О. Шпенглер). В Таблице 11 приведены распределения ответов на вопрос об отношении к теоретическим и методологическим течениям в истории (список которых, надо признать, получился весьма пестрым). Как мы видим, историки вполне благожелательны к большинству движений: сказывается «мягкая» формулировка вопроса, требующая согласиться с тем, что в целом данное движение обогатило историческую науку, а не с тем, что отвечающие принадлежат к нему. Ближе всего к статусу исключения оказываются постмодернизм (29,4% «против» при 33,8% «за») и гендерная история (26,6% «против» при 42,3% «за»). Неоинституциональная экономика, клиометрика и новая культурная история были направлениями, в отношении которых максимум респондентов затруднились с определением своего отношения к ним. Высокая оценка всех течений коррелирует друг с другом (в наибольшей степени — гендерной истории и постмодернизма — 0.441). Единственным исключением тут является марксизм, положительная оценка которого не связана значимо с большинством других течений, и даже там, где значимая связь есть, она слабее. По крайней мере, частично это может считаться отражением влияния возраста: марксизм — единственное течение, которое оценивается старшими группами выше, чем младшими (число отрицательно оценивающих влияние марксизма составляет 19,6% среди группы старше 70 лет против 56,6% оценивающих положительно; у младшей группы (до 30 лет) соотношение составляет 29,7% к 34,1%; для сравнения: отношение к постмодернизму в тех же группах составляет 34,2% «против» к 46,2% «за» у младших против 41,7% «против» к 29% «за» у старших).

	Целиком полож-но		Целиком отрицат-но		Затрудняюсь	
Микроистория	0,9	4,0	15,6	24,8	48,4	6,2
Клиометрика	2,6	8,3	20,7	22,8	17,2	28,5
Марксизм	8,0	14,0	27,7	27,5	17,1	5,7
Устная история	2,1	9,5	22,8	29,4	29,0	7,2
Глобальная и транснациональная история	2,5	7,1	21,4	30,9	28,9	9,2
Гендерная история	10,6	16,0	24,2	23,3	19,0	7,0
Постмодернизм	13,2	16,2	24,9	22,1	11,8	11,9
Историческая антропология	0,6	2,2	10,4	27,9	55,1	3,8
История понятий	1,3	5,9	20,2	30,1	31,7	10,9
Психоистория	4,3	11,7	23,3	25,0	17,1	18,6
Неоинституциональная экономика	3,4	10,5	20,4	18,5	8,0	39,2
Новая культурная история	3,2	7,2	17,5	25,5	24,7	21,8

Таблица 11. «Ниже перечислены некоторые движения и теоретические течения в исторической науке. Говоря о Вашем личном отношении, как бы Вы оценили их влияние на развитие исторического знания?» (N=2662), указаны %.

Мы можем высчитать простой показатель, равный числу течений, к которым опрашиваемые относятся положительно (за исключением марксизма). Этот показатель монотонно растет от старшей когорты к младшей (от 5,1 до 7,4, 0.7 стандартного отклонения). Показатель также различается для мужчин и женщин, равняясь 6 и 7,1: женщины осведомленнее и/или благосклоннее. Разрыв особенно велик в отношении к постмодернизму (49,9% одобряющих среди женщин против 30,8% среди мужчин) и гендерной истории (58,1% против 36%). В предметных областях специалисты по дипломатической истории благосклоннее к транснациональной и глобальной истории (73,9% оценивающих

положительно или скорее положительно). Специалисты в военной истории в среднем негативнее относятся практически ко всем течениям (37,1% одобряющих и скорее одобряющих гендерную историю, 56,5% одобряющих новую культурную историю и т. д.) — опять же, за исключением марксизма (53,5% одобряющих). Противоположный паттерн наблюдается среди специалистов по социальной, региональной, демографической истории, а также истории повседневности, которые, наоборот, значимо чаще одобряют все течения, *кроме* марксизма. Нетипичный паттерн обнаруживается у специалистов по вспомогательным историческим дисциплинам и церковной истории, которые в целом вполне благосклонны к разным течениям, помимо марксизма, гендерной истории и постмодернизма. Среди экономических историков мы находим большее число одобряющих марксизм, клиометрику и неоинституциональную экономику. Центральное размежевание между областями проходит по тому, какую долю в них составляют женщины, которые, если судить по ответам на вопросы анкеты, выступают основными проводниками новых течений (напомним, что по возрастному составу области практически не различаются).

Далее мы включили в анкету блок вопросов, которые должны были характеризовать позиции историков по различным контроверзам, разделяющим исторический цех. Составление списка подобных контроверз представляет собой очевидную проблему и для историка, и тем более для заинтересованного дилетанта. Понимая всю ограниченность этого источника, мы опирались на вышедшие в последние годы книги, которые должны дать представление заинтересованному дилетанту об основных лагерях, существующих в историческом поле.¹⁵

Эта литература обычно описывает противостояние среди историков в терминах оппозиции между более гуманитарной, литературно-ориентированной историей и более сциентистской дисциплиной, основанной на применении универсальных научных методов и стремящейся к открытию исторических закономерностей. Первая может опираться на представление об истории как о процессе, в котором нет жесткой каузальности (или она настолько сложна, что все равно не может быть изучена научными методами), и самое большее, на что наука может претендовать — это на реконструкцию событий в их более-менее точной последовательности. Вторая, напротив, предполагает, что в истории действуют законы, которые можно открывать, используя те же подходы, что и при изучении природы. Первые поколения «Анналов», как и советский марксизм, являются примерами сциентистских течений.

Эта оппозиция накладывается на другую, связанную, но не обязательно в точности совпадающую с первой, — между модернистским представлением о научных исследованиях как об открытии объективной истины, до того скрытой от человеческого взора, и постмодернистским — как о неизбежно субъективном взгляде на исторические события, определяемом опытом и интересами наблюдателя. Логическим следствием первой позиции является стремление установить культурную монополию историков на высказывания в зоне их профессиональной компетенции, отняв право голоса у дилетантов. С другой стороны, чтобы застраховать историков от потери беспристрастности, она приветствует введение экстраординарных мер вроде «санитарного коридора», который допускает обращение к историческому материалу лишь когда политическая пыль уляжется. Она предполагает, что может — даже должен — существовать единый авторитетный источник, воплощающий научный взгляд на тот или иной период, и именно этот взгляд должен отражать школьный учебник.

---

¹⁵Jordanova L. *History in Practice*. London: Arnold; N.Y.: Oxford UP, Inc., 2000.; Iggers G. G. *Historiography in the twentieth century: From scientific objectivity to the postmodern challenge*. Wesleyan University Press, 2005. *Курпила И. И.* История, или Прошлое в настоящем. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017; *Про А.* Двенадцать уроков по истории. М.: РГГУ, 2000. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время. В поисках утраченного. Москва: Языки русской культуры, 1997. *The Oxford history of historical writing / Ed.by Schneider A, Woolf D.* Oxford: Oxford University Press, 2015; *Wilson N.J.* *History in crisis? Recent directions in historiography*. Pearson, 2013; *Tosh J., Lang S.* *The pursuit of history: aims, methods and new directions in the study of modern history*. Pearson, 2006; *Hoeffle C.* *The essential historiography reader*. Pearson, 2010.

Вторая позиция, напротив, предполагает, что в конечном счете добытое историками знание носит характер субъективной реконструкции, а если развивать эту точку зрения до предела — мифа, который не лучше и не хуже мифов, произведенных дилетантами, и оцениваться он может не на основании соответствия историческим фактам (которых все равно нет), а того, чьим политическим интересам этот миф служит. Среди профессиональных историков лишь немногие доходили в отстаивании этой позиции до логического конца (потому что в логическом конце она упраздняет необходимость в профессиональных историках как таковых). Ее более мягкие формы, однако, стоят за призывами предоставить голос тем группам, чьи перспективы традиционная история игнорировала: «простым людям», женщинам, меньшинствам — а также лишить академическую историю, производимую в западных университетах, привилегированного положения высшей истины, деколонизировав — используя популярный термин — дисциплину.

Мы попробовали отразить позиции российских историков по всем этим проблемам. Блок вопросов был разбит на две части, первая из которых затрагивала отношение к исторической науке в целом, а вторая — к вопросам, дебатиремым в российской ситуации (введение единого учебника истории, замена Википедии авторитетным источником, писать в который смогут только профессиональные историки и т. д.). Мы добавили к первой части вопросы, касавшиеся отношения к импорту теоретических схем из социальных наук (которым занимались многие направления модернистской историографии),¹⁶ а ко второй — вопросы об отношении к наукометрии. Наконец, мы добавили несколько вопросов, которые использовались в более раннем исследовании социологов, экономистов и политологов, чтобы проследить ориентацию на глобальную или национальную науку (о более высоком теоретическом и методологическом уровне статей в ведущих англоязычных журналах, важности развития национальной традиции в истории и т. д.).

Список вопросов и распределение ответов на них приводятся в Таблице 12. Заполнявшие анкету справедливо отмечали, что некоторые из этих вопросов могут вызвать критику.¹⁷ Во-первых, некоторые из них могут быть прочитаны и как нормативные, и как дескриптивные высказывания — и как то, что есть, и как то, что респондент поддерживает и считает желательным. Так, слегка видоизмененная цитата из М. Н. Покровского «История — это политика, обращенная в прошлое» может пониматься и как констатация прискорбного положения вещей, которое необходимо исправить, и как призыв к историкам сознательно превращать академические тексты в политические высказывания. Более того, некоторые из них состояли из двух частей, с одной из которых респонденты могли соглашаться, а с другой — нет. Так, левый историк вроде Эрика Хобсбаума мог бы согласиться с первой частью высказывания «Любая история отражает интересы какой-то страны и, проводя исследования, историки должны думать прежде всего об интересах своей страны и своего государства», имея в виду, что история, особенно политическая, часто служит подпоркой для национальной идентичности, но отказаться делать из этого выводы, содержащиеся во второй.

Задавая подобные двусоставные вопросы, мы исходили из определенных предположений о том, как устроено пространство интеллектуальных позиций в исторической науке. Мы предполагали, что оно организовано двумя измерениями: во-первых, модернистскими или постмодернистскими взглядами на науку и, во-вторых, локалистской или глобалистской ориентацией. Двусоставные вопросы должны были отражать восприятие историками определенных версий постмодернизма, в данном случае — правого, который в российском контексте воплощает В. Р. Мединский (читатели могут заметить, что последнее утверждение представляет собой парафраз его высказываний¹⁸). Действительно, если в

---

¹⁶ Формулировка была позаимствована из книги Антуана Про, который приводит ее со ссылкой на Франсуа Миттерана как на источник. *Про, Двенадцать уроков по истории...* С. 15.

¹⁷ Некоторые из респондентов спрашивали, пользуясь адресом, данным для обратной связи, почему в составлении анкеты для историков не участвовали историки. Другие задавались вопросом, почему в этом не участвовали социологи. Последнее было обидно.

¹⁸ *Мединский В. Р.* Владимир Мединский впервые отвечает своим критикам // Российская газета

западном контексте постмодернизм обычно ассоциируется с левыми политическим течениями, стремящимися представлять дискриминируемые социальные категории и требующими справедливости в их отношении, то в российском существует их правый аналог, который обязывает историков соотносить то, что они выдают за историческую правду, с задачами поддержания национальной идентичности.

	Полностью не согласен				Полностью согласен
История — это политика, обращенная в прошлое.	19,2	13,0	29,5	22,2	16,1
Исторические исследования должны ориентироваться на универсальные идеалы научности, общие для естественных и гуманитарных наук.	8,1	11,6	22,2	26,3	31,8
Роль воображения в работе историка не меньше, чем роль хорошей памяти.	10,8	15,1	23,9	26,9	23,3
Избыточный энтузиазм по поводу социологических и экономических теоретических схем как минимум не менее опасен для историка, чем их полное незнание.	3,8	7,4	24,6	26,9	37,2
Историки могут лишь описать исторические события или восстановить их последовательность, найти их причины — по большей части за пределами их возможностей. ¹⁹	44,0	23,9	14,2	11,7	6,3
У истории не может быть никаких законов, поскольку она во многом управляется решениями отдельных личностей и просто случаем.	42,4	23,8	20,3	8,7	4,8
Народ, не изучающий своей истории, — это народ, который утрачивает свою идентичность.	1,5	2,4	5,0	10,5	80,7
В конечном счете целью исторической науки должно быть открытие законов социального развития.	9,9	12,7	29,6	27,9	19,9
Мы всегда приступаем к изучению прошлого с позиций сегодняшнего дня; каждая эпоха поэтому должна переписывать историю заново. ²⁰	42,4	17,9	20,2	13,4	6,2
Задача историков — описывать «как оно было», не проводя разделения на своих и чужих и не вставая на чью-либо сторону.	6,9	9,3	13,3	22,1	48,4
Историкам лучше поддерживать «санитарный коридор» и не стремиться изучать события недавнего прошлого, страсти по поводу которых еще не улеглись.	20,7	11,7	16,5	24,8	26,3
Главная ценность изучения истории состоит в тех моральных и практических уроках, которые из нее можно извлечь.	6,5	9,0	21,3	28,3	34,9
Объективное историческое знание, не зависящее от интересов и пристрастий историка, — ложный идеал, к которому не следует стремиться.	46,3	22,4	15,2	10,0	6,1

<https://rg.ru/2017/07/04/vladimir-medinskij-vpervye-otvechaet-kritikam-svoej-dissertacii.html> (проверено 27.02.2022).

¹⁹ Источником вдохновения для этого высказывания были недавние работы М. М. Крома, с идеями которого, как следует из результатов опроса, большинство историков не согласно (*Кром М. М. Междисциплинарность и кризис каузальности в современной исторической науке. // «Стены и мосты» — III: история возникновения и развития идеи междисциплинарности материалы междунар. науч. конф. / Под ред. Ершова Г. Г. Москва: Издательство РГГУ, 2015. С. 41–53.*

²⁰ Вторая часть утверждения представляет собой цитату из Робина Коллингвуда («Every new generation must rewrite history in its own way»).

	Полностью не согласен			Полностью согласен		
Историки не обязаны разоблачать исторические мифы, если вера в эти мифы побуждает людей реализовать разделяемые историками идеалы.	56,6	19,9	15,8	5,9	1,8	
Российским историкам следует стремиться к сохранению и развитию национальной традиции в исторической науке.	9,8	9,5	20,0	22,0	38,7	
В такой дисциплине как история формальные наукометрические показатели не могут отразить действительные заслуги индивида.	5,2	7,8	24,1	22,7	40,3	
Было бы правильно, если бы преподавание истории в российских школах велось по единому учебнику.	23,6	9,6	13,9	16,2	36,7	
В области наук о человеке и обществе приоритет при оценке научных исследовательских достижений должен быть отдан публикациям на русском языке. ²¹	18,3	11,3	21	18,3	31,2	
Я поддержал(а) бы введение экзамена по истории как обязательного для всех выпускников школ.	21,9	17,9	22,0	20,4	17,7	
Средний теоретический и методологический уровень статей в ведущих англоязычных журналах значительно выше, чем в ведущих российских, и молодых ученых следует учить ориентироваться на него.	39,2	20,1	22,2	11,8	6,7	
Было бы хорошо, если бы Википедию в качестве источника исторических знаний для массы Интернет-пользователей можно было бы заменить каким-то другим ресурсом, в создании которого участвовали бы только профессиональные историки.	22,1	11,4	15,4	15,9	35,3	
Любая история отражает интересы какой-то страны и, проводя исследования, историки должны думать прежде всего об интересах своей страны и своего государства.	28,2	14,3	22,0	17,0	18,6	

Таблица 13. Согласие с утверждениями о профессии историка

Анализируя ответы, мы прежде всего можем констатировать, что по многим вопросам среди историков есть полный или почти полный консенсус. Подавляющее большинство (80,7%) полностью согласно с тем, что народ, не изучающий своей истории, теряет национальную идентичность (этот вопрос намеренно оставлял неясным, считали ли они, что это возлагает на историков обязанность поддерживать таковую). При этом большинство (56%) также категорически не согласно с тем, что историки не должны разоблачать исторические мифы, если вера в эти мифы имеет политически желательные последствия, а доля согласных с тем, что, проводя исследования, историки должны служить интересами своей страны и государства, меньше доли несогласных. Отводя себе важнейшую роль в воспроизводстве национальной идентичности, историки тем не менее не согласны взять на себя политическую ответственность за ее поддержание и не предполагают, что это обязывает их принять какую-либо версию правого постмодернизма.²²

Это отношение проявлялось в ответах и на все остальные вопросы, характеризовавших модернистские или постмодернистские теоретические симпатии. Более двух третей опрошенных также согласны с

²¹ Источником этого утверждения было Постановление Бюро отделения общественных наук РАН от 19 февраля 2020 г. Москва № 6 «Принципы установления нормативов публикационной результативности для научных организаций общественно-гуманитарного профиля».

²² В качестве реплики в сторону: кажется немного наивным, что профессиональная группа, приписывающая себе настолько важную политическую роль, может надеяться, что ее просто оставят в покое.

утверждением «Задача историков — описывать “как оно было”, не проводя разделения на своих и чужих и не вставая на чью-либо сторону» и не согласны с тем, что «Объективное историческое знание, не зависящее от интересов и пристрастий историка, — ложный идеал, к которому не следует стремиться», «У истории не может быть никаких законов, поскольку она во многом управляется решениями отдельных личностей и просто случаем» и «Историки могут лишь описать исторические события или восстановить их последовательность, найти их причины — по большей части за пределами их возможностей». Большинство также согласно или скорее согласно с тем, что истории следует ориентироваться на универсальные идеалы научности, преподавание в школах должно вестись по единому учебнику, а Википедию следует заменить авторитетным источником, при этом историкам лучше держаться подальше от страстей сегодняшнего дня.

В целом это изображает большинство российских историков решительными модернистами, и даже несколько экстремистское утверждение о том, что конечной целью исторического познания является открытие законов социального развития, набирает почти половину сторонников (48%).²³ Будучи модернистами, они одновременно определяют себя как локалистов: большинство также уверено в том, что уровень ведущих русскоязычных журналов не уступает уровню англоязычных, а российские историки обязаны заботиться о развитии национальной историографической традиции.

Рисунок 4. Корреляционная плеяда

Анализ корреляционных связей между переменными приводит нас к выводу о том, что наши исходные догадки о структуре поля интеллектуальных позиций были во многом неверны. В Таблице 3 в Приложении приведена матрица корреляций между переменными, которую визуализирует Рисунок 4.

²³ При этом большинство (64%) также уверено, что в поиске этих законов историкам не надо слишком полагаться на социологов и экономистов.

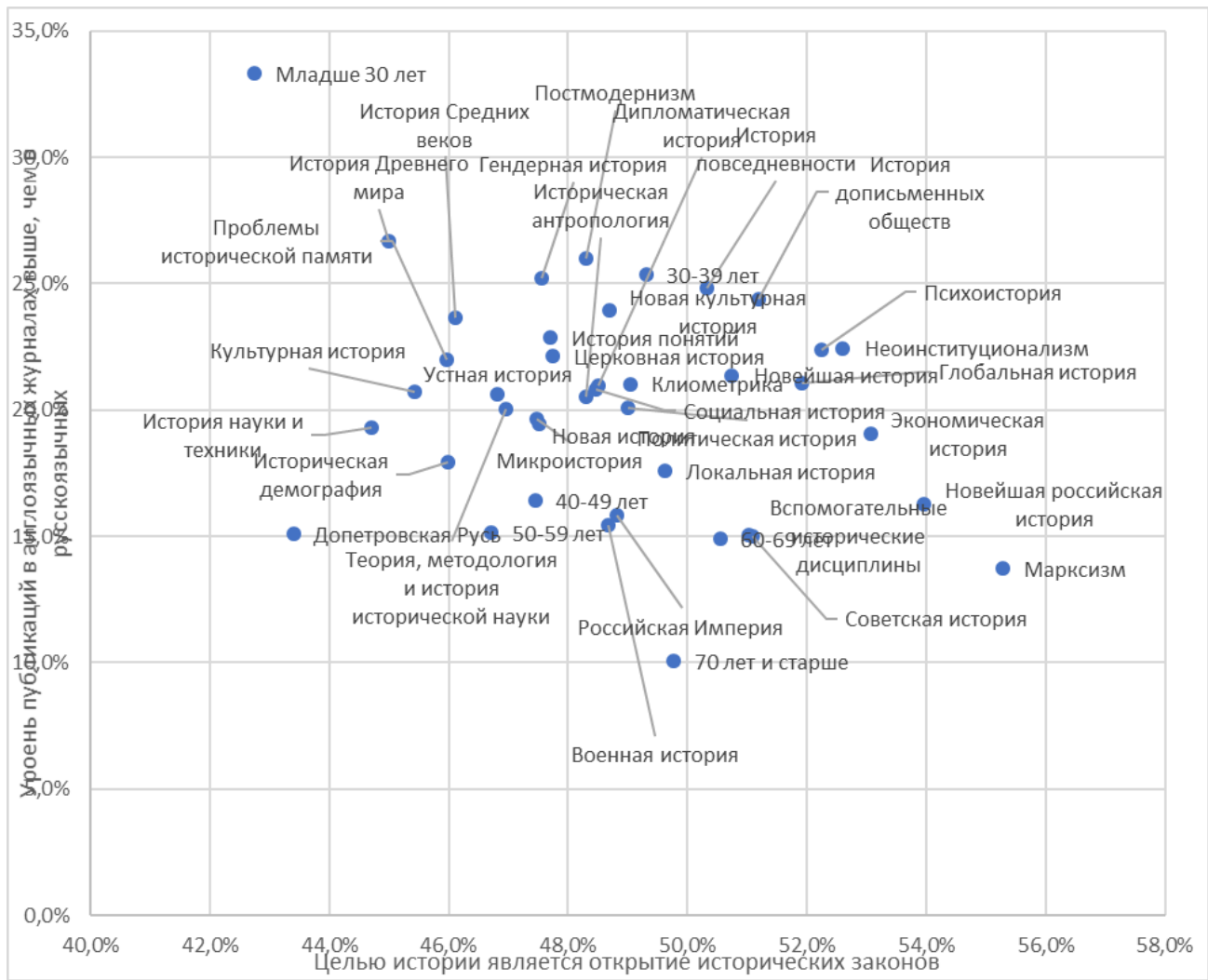
Линии соответствуют положительным связям между вопросами (отражены связи, превышающие по интенсивности 0.15 — то есть все, имеющие хотя бы умеренную силу).

При такой визуализации мы ожидали увидеть две группы переменных: одну, связанную с локалистскими и глобалистскими, другую — с модернистскими или постмодернистскими ориентациями. Только небольшое число двусоставных вопросов, например, об обязанности историков учитывать интересы своей страны и своего государства, могло быть связано с обеими группами. Вместо этого мы видим одну группу переменных, характеризующих, с одной стороны, веру в ценность или даже превосходство национальной историографической традиции, с другой — модернистскую веру в превосходство научного знания, с третьей — поддержку монополии корпорации на историческую истину и ее центральную роль в образовательном процессе (единый учебник, обязательный экзамен, находящаяся в руках историков альтернатива Википедии). Респонденты верят — или не верят — во все эти вещи сразу.²⁴

Лучше всего эту структуру установок иллюстрирует иерархический кластерный анализ, результаты которого показывают, как разделить всю массу случаев на группы, между которыми существует максимум различий. В нашем случае он вначале делит историков на группу глобалистов и примерно в полтора раза большую группу локалистов, а затем выделяет из них более мелкие группы по эпистемическим позициям: так, из глобалистов выделяется небольшая группа сциентистов, которые верят в то, что англоязычные журналы лучше, но одновременно в то, что историки должны следовать универсальным критериям научности и т. д. Интересно, однако, что ни на одном из этапов анализа нам не удалось получить сколько-нибудь значимую группу правых постмодернистов, превосходящую по численности 20 человек

---

²⁴ Переменные, характеризующие постмодернистские установки, занимают на этой схеме несколько парадоксальное положение. Те, которые прямо должны были характеризовать право-постмодернистские взгляды (в частности, вопрос об учете интересов страны и государства при проведении исторических исследований), входят в тот же комплекс локалистских установок, создавая неожиданную картину, когда люди, которые декларируют намерение открывать законы исторического развития, заявляют также, что хотели бы делать это с учетом интересов своей страны (с точки зрения традиционной философии науки, эти вещи являются взаимоисключающими - может ли, скажем, закон природы формулироваться с учетом интересов какой-то страны?). С другой стороны, положения, согласие с которыми должно было отражать постмодернистское кредо в целом, без правого или левого уклона (о том, что в истории невозможно объективное познание, всякое поколение должно переписывать историю, историкам не следует разрушать полезные исторические мифы, несогласие с утверждением о том, что историкам надо описывать «как он было»), во-первых, большинством отвергаются, во-вторых, коррелируют с другими слабо и как будто довольно случайным образом. Так, утверждение о том, что историки не должны разоблачать полезные исторические мифы, коррелирует, с одной стороны, с утверждением, что им следует учитывать интересы страны и государства, проводя исследования, с другой — с утверждением о том, что мы всегда изучаем прошлое с позиций сегодняшнего дня (которое, в свою очередь, коррелирует с верой в то, что теоретический уровень англоязычных журналов выше).

Рисунок 5. Эпистемические позиции категорий историков

Как глобалистский постмодернизм и локалистский модернизм связаны с другими категориями нашего исследования? Мы суммировали их отношения в виде Рисунка 5, на котором по горизонтали отложена доля членов разных категорий, согласных с тем, что целью исторических исследований является открытие законов истории, а по вертикали — доля согласных, что средний уровень статей в ведущих англоязычных изданиях выше. Самая младшая возрастная группа является одновременно наименее сциентистской и наиболее интернационально-ориентированной, следующая за ней (30–39 лет) является также значительно более глобалистской, хотя и не менее сциентистской, чем старшие. Различия между прочими возрастными категориями практически не ощутимы. Из предметных областей всеобщая история является более глобалистской, а более ранняя — менее сциентистской (за исключением граничащей с антропологией дописьменной истории); соответственно, в левом верхнем — глобалистски-постмодернистском — углу находятся специалисты по истории древнего мира и Средневековья, в правом верхнем — историки, занимающиеся дописьменными обществами, в левом нижнем — специалисты по допетровской Руси, а в правом нижнем — эксперты по новейшей истории России. Из предметных областей к левому верхнему углу тяготеют история культуры и повседневности, а также изучение проблем исторической памяти, а к правому нижнему — экономическая и военная истории, а также вспомогательные исторические дисциплины. Наконец, снисходительное отношение к большинству теоретических течений также сосредоточено в левом верхнем углу - кроме марксизма, который занимает прямо противоположную позицию. Для понимания масштаба необходимо, однако, обратить внимание на деления на шкалах: для большей наглядности значения по шкале X начинаются с 40%. Таким образом, разброс значений по обеим шкалам оказывается статистически значимым, но

незначительным — в пределах 20%.

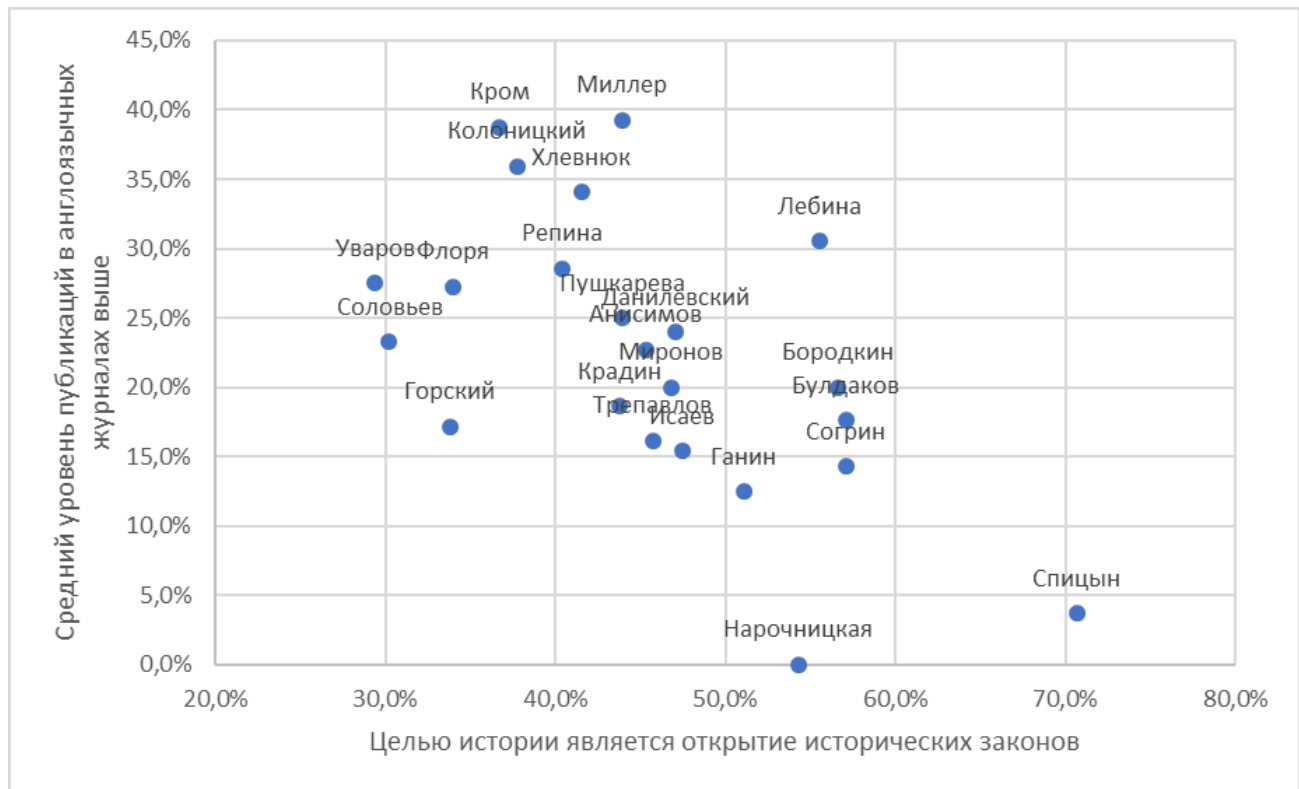

Рисунок 6. Эпистемические профили групп поддержки исторических авторитетов

Иная картина ожидает нас, если мы посмотрим на то, какое место занимают в пространстве, созданном нашими шкалами, «группы поддержки» тех или иных фигур (Рисунок 6). Здесь различия часто достигают 40%. В дополнение к субдисциплинарному кампанелизму, называя авторитетные для них фигуры ориентируются еще и на свои научно-политические пристрастия.²⁵

Некоторые выводы

Какие выводы о ~~структуре исторического сообщества~~ мы можем сделать на основании этих наблюдений?

Во-первых, оно разделено глубокими расколами по признаку специализации на российской или всеобщей истории (кажется, однако, что деления внутри этих областей являются менее глубокими, чем можно было бы ожидать).

Во-вторых, оно, в сравнении с другими социальными науками, во многих отношениях удивительно стабильно. Мы не видим следов того, что со сменой поколений в нем произойдут принципиальные изменения в том, что касается гендерной композиции, популярности тех или иных эпох или предметных областей и т. д.

В-третьих, основным латентным идеологическим расколом является противостояние между

²⁵ Мы попробовали использовать алгоритм нахождения сообществ Ньюмана для того, чтобы идентифицировать группы фигур, которые обычно назывались вместе, и группы респондентов, которые называли одни и те же имена. Однако, в отличие от результатов, полученных ранее на данных опросов экономистов, политологов и социологов, вместо деления на несколько крупных «фан-групп» историки делились на огромное количество совсем небольших сообществ, предпочтения которых иногда определялись узкой специализацией, иногда — взглядами своих авторитетов по тому или иному вопросу научно-политическому вопросу, а иногда — комбинацией первого и второго. См. Сафонова М. А., Соколов М. М. Структура поля российской социологии — 2020 // Социологические исследования. 2021. № 11. С. 91–105; Сафонова М. А., Соколов М. М. Сегментация «рынка идей» в российской экономической науке. СПб: ЦИАНО, 2022.

локалистами-модернистами и глобалистами-постмодернистами, которые, однако, единодушно настаивают на сохранении статуса истории как беспристрастного изучения того, «как оно было».

В-четвертых, ориентация на глобальную науку более выражена среди всеобщих историков, а немодернистские взгляды — среди специалистов по более ранним эпохам. Взгляды младшего поколения оказываются несколько менее модернистскими и значительно более глобалистскими, чем взгляды старших.

В-пятых, научно-политическая близость явно сказывается на выборе авторитетных фигур в науке.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 1. Российские археологи, внесшие наибольший вклад в развитие своей области знания

Деревянко Анатолий Пантелеевич	64
Молодин Вячеслав Иванович	52
Макаров Николай Андреевич	41
Коробов Дмитрий Сергеевич	29
Поляков Андрей Владимирович	26
Амирханов Хизри Амирханович	20
Тишкин Алексей Алексеевич	20
Выборнов Александр Алексеевич	19
Епимахов Андрей Владимирович	19
Чугунов Константин Владимирович	19
Обломский Андрей Михайлович	18
Беляев Леонид Андреевич	17
Полосьмак Наталья Викторовна	17
Крадин Николай Николаевич	16
Цетлин Юрий Борисович	16
Коваль Владимир Юрьевич	15
Гиря Евгений Юрьевич	14
Кузьминых Сергей Владимирович	14
Монахов Сергей Юрьевич	14
Савинов Дмитрий Глебович	14
Черных Евгений Николаевич	13
Канторович Анатолий Робертович	12
Питулько Владимир Викторович	12
Кузнецов Владимир Дмитриевич	11
Шуных Михаил Васильевич	11

Таблица 2. Российские этнографы и антропологи, внесшие наибольший вклад в развитие своей области знания

Головнев Андрей Владимирович	64
Тишков Валерий Александрович	47
Функ Дмитрий Анатольевич	29
Байбурин Альберт Кашфуллович	24
Соколовский Сергей Валерьевич	23
Абашин Сергей Николаевич	20
Березкин Юрий Евгеньевич	18
Шнирельман Виктор Александрович	18
Бутовская Марина Львовна	16
Пушкарева Наталья Львовна	15
Арутюнов Сергей Александрович	11
Бауло Аркадий Викторович	11
Мартынова Марина Юрьевна	11
Черных Александр Васильевич	10
Фурсова Елена Федоровна	9
Кормина Жанна Владимировна	8
Крадин Николай Николаевич	7
Перевалова Елена Валерьевна	7
Адоньева Светлана Борисовна	6
Жуковская Наталия Львовна	6
Харитоновна Валентина Ивановна	6
Христофорова Ольга Борисовна	6
Анчабадзе Юрий Дмитриевич	5
Баранов Дмитрий Александрович	5
Бравина Розалия Иннокентьевна	5
Мохов Сергей Викторович	5
Содномпилова Марина Михайловна	5

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

	История – это политика...	Исторические исследования...	Роль воображения...	Избыточный энтузиазм...	Историки могут...	У истории не может быть...	Народ, не изучающий...	В конечном счете...	Мы всегда приступаем...	Задача историков...	Историкам лучше...	Главная ценность...	Объективное знание...	Историки не обязаны...	Российским историкам...	В такой дисциплине...	Было бы правильно...	В области наук о человеке...	Слишком широкий...	Введение экзамена...	Средний уровень...	Было бы хорошо...	Любая история отражает...
История – это политика, обращенная в прошлое	1,000	,080**	,102**	,007	,050	,029	,162**	,183**	,086**	-,032	,003	,229**	,123**	,158**	,178**	,009	,184**	,122**	,047**	,112**	,058**	,122**	,230**
Исторические исследования должны	,080**	1,000	,068**	,074**	-,029	,077**	,031	,188**	-,019	,198**	,035	,061**	-,117**	-,049	,017	-,005	,018	-,022	,055**	,021	,035	,011	-,001
Роль воображения в работе историка не меньше	,102**	,068**	1,000	,098**	,088**	,045**	,015	,065**	,123**	-,102**	,020	,044**	,115**	,074**	,034**	,069**	,035**	-,007	,020	,029	,041**	-,024	,024
Избыточный энтузиазм по поводу социологических историков	,007	,074**	,098**	1,000	-,013	,002	,123**	-,012	-,020	,049	,083**	,054**	-,017	-,011	,065**	,158**	,061**	,071**	,035	,068**	,100**	,056**	,020
Историки могут лишь описать исторические	,050	-,029	,088**	-,013	1,000	,318**	-,062	-,056	,141**	,072**	,078**	,000	,140**	,099	,010	-,058	-,006	-,025	,141**	-,006	,158**	,029	,071**
У истории не может быть никаких законов	,029	,077**	,045**	,002	,318**	1,000	,075**	,186**	,136**	,061	,059**	,053**	,192**	,107**	,061**	,004	,064**	-,016	,081**	,044**	,137**	,084**	,045**
Народ, не изучающий своей истории	,162**	,031	,015	,123**	-,062	,075**	1,000	,163**	,084**	-,009	,032**	,284**	-,064**	,030	,346**	,101**	,318**	,223**	,062**	,205**	,233**	,292**	,288**
Целью исторической науки должно быть	,183**	,188**	,065**	-,012	-,056	,186**	,163**	1,000	,006	,075**	-,013	,241**	-,039	,015	,186**	-,006	,166**	,120**	-,007	,149**	,056**	,140**	,171**
Мы всегда приступаем к изучению прошлого	,086**	-,019	,123**	-,020	,141**	,136**	,084**	,006	1,000	,095**	,075**	,087**	,217**	,172**	,045**	,024	,075**	,000	,019	-,003	,154**	,092**	,042**
Задача историков – описывать «как оно было»	-,032	,198**	,102**	,049	,072**	,061	-,009	,075**	,095**	1,000	,128**	,083**	-,258**	-,104	,081**	,028	,003	-,042	,097**	,059	,103**	,064	,181**
Историкам лучше поддерживать «санитарный интерес»	,003	,035**	,020	,083**	,078**	,059**	,032**	-,013	,075**	,128**	1,000	,044**	,003	,077**	-,010	,077**	-,012	,021	,145**	,006	,046**	,008	-,005
Главная ценность изучения истории состоит	,229**	,061**	,044**	,054**	,000	,053**	,284**	,241**	,087**	,083**	,044**	1,000	-,022	,066**	,286**	,019	,265**	,164**	-,021	,155**	,167**	,231**	,252**
Объективное историческое знание, не зависящее	,123**	,117**	,115**	-,017	,140**	,192**	,064**	-,039	,217**	,258**	,003	-,022	1,000	,231**	-,002	,030	,005	,032	,099**	-,033	,075**	-,023	,093**
Историки не обязаны разоблачать исторические	,158**	-,049	,074**	-,011	,099	,107**	,030	,015	,172**	-,104	,077**	,066**	,231**	1,000	,110**	,028	,123**	,123**	,076**	,041	,013	,077**	,211**
Российским историкам следует стремиться	,178**	,017	,034**	,065**	,010	,061**	,346**	,186**	,045**	,081**	-,010	,286**	-,002	,110**	1,000	,066**	,416**	,410**	,054**	,256**	,328**	,360**	,467**
В такой дисциплине, как история, формальные	,009	-,005	,069**	,158**	-,058	,004	,101**	-,006	,024	,028	,077**	,019	,030	,028	,066**	1,000	,017	,141**	,062**	,046**	,102**	,062**	,028
Было бы правильно, если бы преподавание	,184**	,018	,035**	,061**	-,006	,064**	,318**	,166**	,075**	,003	-,012	,265**	,005	,123**	,416**	,017	1,000	,370**	,067**	,216**	,293**	,376**	,398**
В области наук о человеке и обществе приоритет	,122**	-,022	-,007	,071**	-,025	-,016	,223**	,120**	,000	-,042	,021	,164**	,032	,123**	,410**	,141**	,370**	1,000	-,009	,195**	,316**	,258**	,372**
Слишком широкий общественный интерес	,047**	,055**	,020	,035**	,141**	,081**	,062**	-,007	,019	,097**	,145**	-,021	,099**	,076**	,054**	,062**	,067**	-,009	1,000	,040**	,094**	-,011	-,029
Я поддержал(а) бы введение экзамена	,112**	,021	,029	,068**	-,006	,044**	,205**	,149**	-,003	,059	,006	,155**	-,033	,041	,256**	,046**	,216**	,195**	,040**	1,000	,138**	,244**	,245**
Средний теоретический и методологический	,058**	,035**	,041**	,100**	,158**	,137**	,233**	,056**	,154**	,103**	,046**	,167**	,075**	,013	,328**	,102**	,293**	,316**	,094**	,138**	1,000	,226**	,240**
Было бы хорошо, если бы Википедию	,122**	,011	-,024	,056**	,029	,084**	,292**	,140**	,092**	,064	,008	,231**	-,023	,077**	,360**	,062**	,376**	,258**	-,011	,244**	,226**	1,000	,340**
Любая история отражает интересы какой-то	,230**	-,001	,024	,020	,071**	,045**	,288**	,171**	,042**	,181**	-,005	,252**	,093**	,211**	,467**	,028	,398**	,372**	-,029	,245**	,240**	,340**	1,000